

Дается характеристика двойственного характера рукотворного пространства как единства субстанций и инфраструктур; вводится понятие «негород», отображающее как устойчивость, так и изменчивость социального пространства; анализируются иерархические уровни субстанциального и инфраструктурного слоев, их конкретно-исторические особенности. Рассматриваются характерные функции города и его социальная морфология, связанная с планомерно осуществляемой деятельностью; анализируется типология городов и их основные характеристики. Автор характеризует диалектику производства и потребления, оценивает значение пространственных коммуникаций и подчеркивает роль культуры в формировании города и «негорода».

Ключевые слова: город; негород; архитектура; пространство; субстанция; инфраструктура; деревня. /

Негород / Noncity

текст
Андрей Боков /
text
Andrey Bokov

I. Онтология пространства

Основной массив используемых сегодня актуальных представлений о пространстве и форме в градостроительстве и архитектуре сложился в прошлом веке, когда эти темы достигли пика популярности и в СССР, и на Западе. Общее, что объединяло коллективный Запад и Советскую Россию, сводилось к тому, что форма и пространство являются производными от внешних сил. Германоговорящий, англоговорящий протестантский Запад полагал «внешнее» и видимое менее значимым и прямо подчиненным внутреннему. На этой основе сложились идеи функционализма, т. е. формы, подчиненной функции или технологии, и возник дизайн как дисциплина, предполагающая оформление уже имеющегося, задающая ему форму в соответствии с требованиями маркетологов и технологов. Утонченные рассуждения Николая Ладовского или Бруно Дзеви, задумывавшихся о сущности и природе явлений, тонули в потоке простых и прямолинейных толкований формы и пространства. Прямо и косвенно эти настроения утверждались гуру современной архитектуры, едва ли ни самыми влиятельными ее персонажами, Мис ван дер Роэ и Ле Корбюзье, очевидные различия которых не мешали им сходиться в принципиальном отношении к пространству и форме как производным от использования и технологии изготовления. Вторичность формы, ее пассивное и подчиненное положение было окончательно закреплено влиянием и интересами девелоперского бизнеса и стало в итоге банальностью и общим местом.

Советская власть пошла дальше, подчинив пространство и форму не столько технологии, сколько политике, демонизировав формализм, надолго дискредитировав рассуждения о форме и пространстве. Несмотря на то, что упреки в формализме, которыми были травмированы многие поколения советских архитекторов и деятелей культуры, давно не воспринимаются всерьез, права пространства и формы на самостоятельность остаются непризнанными. В сознании и подсознании большинства эти категории остаются ведомыми и вторичными. Повышенная чувствительность и обостренная реакция в отношении формы и пространства сменились состояни-

ем безразличия, незащищенностью перед воздействием других практик и других культур.

Прежние страхи и фобии остались непреодоленными, они никуда не ушли и были просто законсервированы. Бытовой практицизм и наивный прагматизм наших дней вкупе со страшными призраками прошлых лет, витающими вокруг формы и пространства, не позволили им избавиться от недоверия и отрицательных коннотаций.

Стихийный, не отрефлексированный на этот раз, «неофункционализм» стал своего рода доктриной и неофициальной религией большинства причастных сегодня к градостроительству и архитектуре.

Мотивами принятия решений, главными аргументами в пользу выбора, основаниями оценок становятся требования девелопера и технологические подробности, к которым могут примешиваться художественные пристрастия, предпочтения декора, одежды и упаковок. Собственная логика, строй формы и пространства обычно исключаются из рассмотрения уже на этапе подготовки задания.

То, что непосредственная, жесткая и прямая связь между технологиями, т. е. характером использования, процессом возведения и формой присутствует далеко не всегда, доказывается множеством примеров из «высокой» и обыденной жизни, из архитектурной и градостроительной практики. И деспотии, и демократии, общества с противоположным устройством используют на удивление сходные приемы организации городов. Римский военный лагерь успешно трансформировался в средневековый европейский город, а аристократическая резиденция вроде Таврического дворца становится парламентским центром. Старые, давно построенные здания любого назначения служат много дольше, чем нечто однофункциональное, «одноразовое», основанное на жесткой технологии, а большинство традиционных городских улиц или площадей оказывается универсальным пространством, успешно используемым в самых различных целях многие годы.

Деятельность изменчива и подвижна – пространство инертно и статично, и уже поэтому оно не в состоянии

Andrey Bokov explores the dual nature of the man-made environment as a unity of built matter and infrastructure; he introduces the concept of “noncity” as an entity representing both sustainability and evolution of the social sphere. The author analyses hierarchical levels of substantive and infrastructural layers and their specific historical characteristics. He identifies the innate functions of a city and its social morphology relative to programmatic activity and analyses the typology of cities and their principal characteristics. Bokov addresses the dialectic of production and consumption, evaluates the significance of spatial communications and highlights the role of culture in shaping both a city and “noncity.”

Keywords: city; noncity; architecture; space; substance; infrastructure; village.

отзываться на непредсказуемые и не имеющие ясных пространственных параметров жизненные процессы. Организованное пространство – дорогой и затратный продукт, который нельзя выбросить как пластиковую бутылку. Более того, пространство, гипотетически следующее за функцией, отвечающее на частную конкретную задачу, рискует стать жертвой неточного решения, заблокировать необходимые изменения, затруднить развитие самой функции.

Отсутствие технологических ограничений и предписаний лишает пространство и форму важнейших порождающих ее сил лишь на первый взгляд.

При внимательном рассмотрении форма и пространство обычно являются задолго до технологических заданий и стилистических предпочтений. Форма и пространство властно и недвусмысленно заявляют о себе, диктуют свою волю в виде «само собой разумеющихся» обстоятельств. Но именно эти априорные обстоятельства, которые, как правило, не замечаются, не рефлексированы ни архитектором, ни заказчиком, оказываются базовыми, фундаментальными и первичными, они определяют устойчивость формы, гарантируют ее надежность и долговечность.

Погружение в мир первичных и базовых пространственных реалий, раскрытие основ физических форм, внутренне им присущих, автоматически переводит все внешние воздействия в категорию вторичных, корректирующих и доводящих. Влияние этих воздействий, его результаты могут быть при необходимости пересмотрены, пространства могут быть подвергнуты новым, другим влияниям, приспособиться под иные цели благодаря состоятельности и качествам базовых основ.

Рукотворное пространство всех уровней – от глобального до локального, от стран и континентов до дома и квартиры – наделено системным сходством, принципиальным подобием. И первый, поверхностный взгляд, и внимательный, обстоятельный анализ обнаруживают два слоя, две видимые, четко различимые подсистемы,

из которых складывается окружающий нас культурный ландшафт.

Пространство как свет, одновременно дискретно и непрерывно, и «субстанциально, т. е. состоит из отдельных частей и инфраструктурно, т. е. потокообразно», прочно прошито, пронизано связями.

Эта двойственность, или двухслойность, не является неким открытием и относится к числу очевидных, «само собой разумеющихся» обстоятельств. Присутствие такой двойственности наиболее отчетливо ощущается в «градостроительных» концепциях от Динаполиса Доксидиадиса до НЭРа Гутнова и его друзей. Возникли эти представления более полувека назад под влиянием популярной тогда общей теории систем и, несмотря на, казалось бы, видимую продуктивность, не получили дальнейшего развития, не были встроены ни в оценку происходящего, ни в создание картины будущего.

Суть вдохновленных теорией систем представлений сводится к тому, что в пространственном объекте любого размера обнаруживается как множество отдельных элементов или «субстанций», имеющих облик стран, регионов, городов, домов, комнат, т. е. относительно завершенных и сопоставимых элементов, так и связей, дорог, улиц, коридоров, проходов и переходов, т. е. соединительных устройств, образующих «инфраструктуру».

Субстанции и инфраструктура пребывают в состоянии одновременно объединения-разделения, их взаимозависимость напоминает отношения позитива и негатива, фигуры и фона. Один и тот же объект в зависимости от «угла зрения», от «оптики» может предстать и инфраструктурным явлением, и субстанциальным. Тем не менее «инфраструктурность» и «субстанциальность» не только порождаются «оптикой» и особенностями наблюдения, но отражают вполне объективные, «родовые», сущностные свойства пространственных объектов. Дом может рассматриваться как совокупность коридоров и лестниц, а площадь считается большой комнатой «без крыши», но это не меняет субстанциальную природу дома и инфраструктурную сущность площади. Субстанции и инфраструктура подчиняются, подобно морфологии и синтаксису, своим правилам, порождающим согласованный текст.

У субстанций и инфраструктуры разное пространственное поведение, разный облик, и доминирование одного или другого слоя порождает разные пространственные состояния. Инфраструктура обычно лишена локальных особенностей. Дороги, мосты и аэропорты разных стран мира выглядят сходным образом и несут в первую очередь печать времени. Субстанции, которые покрывают и заполняют клетки, полосты, ячейки, образуемые инфраструктурой, приобретают различия и склонны отзываться на локальный контекст. Субстанции стремятся к закрытости, инфраструктура оказывается бесконечной и открытой.

Субстанции стремятся к универсальности: заводские цеха превращаются в офисы и лофты, промзоны в парки и жилые комплексы. У субстанций есть внешние и внутренние границы, есть фокусы или ядра, окруженные однородными и неоднородными поясами, зонами, районами и секторами. Эти фокусы и ядра успешно существуют как в середине субстанций, так и на периферии, у границ, где выполняют роль ворот, клапанов, регулирующих отношения с внешним миром, с более крупными субстанциями.

Субстанции обычно имеют всем известных хозяев; это пространства устойчивых территориальных, местных, семейных, соседских, муниципальных трудовых, производственных и иных групп, скрепленных общим делом и общей собственностью.

Инфраструктура склонна к специализации и распадается на множество подслоев или инженерных и транспортных сетей, в числе которых автомобильные и рельсовые магистрали, наземные, подземные и т. д. Инфраструктура – это скелет или каркас пространства поселений, состоящий из условных линий и точек. Точки или узлы, на которые опирается каркас, бывают транзитными, тупиковыми и смешанными, транзитно-тупиковыми. Транзитные выглядят как развязки и перекрестки, как места, где сходятся и расходятся связи; тупиковые представляют собой конечные точки маршрутов и путей, «ворота», входы-выходы: транзитно-тупиковые узлы – это одновременно места пересадок и конечные точки пути.

Инфраструктурные пространства принадлежат не конкретным сообществам, но «публике», множеству людей, лишенных очевидной субъектности, подчиненных законам и правилам «больших чисел». Вокзалы, аэропорты, морские терминалы, станции метро, остановки общественного транспорта, «мультимодальные узлы», ворота стран и городов с сопровождающими обслуживающими учреждениями открыты для всех, наполнены постоянно меняющимся потоком лиц, встречающихся друг с другом первый и последний раз.

И улица, и площадь наделены профанной репутацией и низким статусом, прямо противоположной статусу субстанций. Это беспокойные и небезопасные места, а производные от улиц и площадей эпитеты традиционно означают принадлежность к изгоям и носителям девиантных наклонностей.

Смысловое, содержательное противостояние субстанций и инфраструктур, домов и дорог не фатально. Бывшее профанным становится предметом почитания, сакральное десакрализуется. В одну компанию с великими символами прошлого вроде пирамид и храмов попадают сегодняшние мосты и тоннели, аэропорты и вокзалы. Красная площадь, бывшая в советское время главным святилищем страны взамен Соборной площади и храмов Кремля, постепенно снова становится публичным местом, пространством народного праздника.

Ореол священных символов теряют заводы-гиганты, плотины и электростанции; предметом забот и подчеркнутого внимания становятся казавшиеся забытыми, исчезавшие на глазах исторические районы.

Инфраструктура следует стандартам, подчинена общим законам, как и положено единой, открытой непрерывной сети, охватывающей все уровни окружающего мира. Инфраструктура агрессивна и экстравертна. Это проводник глобальных сигналов, магнит для мировых брендов и сетей, притягательная среда деловых и торгово-развлекательных комплексов.

Субстанции, за исключением временных сооружений, консервативны, их границы и стены бережно сохраняются как очевидная ценность. Инфраструктура, коммуникации за редким исключением не превращаются в памятники, их использование предполагает постоянную модернизацию, переоснащение, замену и ремонт, что во все не исключает высокой устойчивости дорожных сетей.

Все эти отличия и детали повлияли на сложившуюся типологию документов и специализацию профессиональной деятельности. Документом, дающим представление об инфраструктуре города и территории, был и остается генплан; документом, определяющим судьбу зон и участков, является то, что в современной российской практике именуется «Правилами землепользования и застройки». Вопросами инфраструктуры занимаются городские проектировщики и гражданские инженеры, субстанции – архитекторы.

И субстанциальный, и инфраструктурный слои подчинены общей иерархии, делятся по меньшей мере на три основных иерархических уровня: локальный уровень, уровень больших городов и регионов и уровень общенациональный. Связи и элементы этих уровней взаимодействуют «по горизонтали» и «по вертикали», образуя систему агрегатов, паттернов или единиц, каждая из которых является порождением и хранилищем особых признаков.

Меняясь от страны к стране, эволюционируя во времени, дома, дороги и поселения, и городские, и сельские, следуют неким общим правилам и нормам, которые вырабатывались столетиями и тысячелетиями методом проб и ошибок и составляли в итоге ценнейшие генетические коды, гарантирующие способность пространства соответствовать самым разным функциональным программам.

Эти коды рождались «внизу», в непосредственном, близком, видимом окружении локального уровня и распространялись все выше на уровень больших городов, регионов и стран. И именно эти коды подвергались в недавнем прошлом самым замысловатым и тяжелым испытаниям.

Первичной единицей рукотворного пространства оказывается семейное землевладение с ведущей к нему коммуникацией, участком улицы, переулка или дороги, за которую владелец дома и участка несет прямую или косвенную, например, налоговую ответственность. Базовые семейные владения успешно заполнялись сооружениями разного размера и назначения, оставаясь неизменными по сей день.

Место следующей единицы локального уровня принадлежит традиционному пространству «соседского» сообщества – жилой улице и ее конкуренту – кварталу с общим внутренним двором. Появление в XX веке в СССР общественных внутриквартальных дворов, проходов и проездов становится прямым следствием роста плотности застройки и инфраструктурного дефицита.

Образование улиц и кварталов, главной улицы и площади – признак муниципалитета, малого, но полноценного города, занимающего особое место в окружении и отмеченного при этом некоей полнотой и относительной завершенностью.

Лучшие градостроительные умы XX века, заменив в качестве базового элемента семейное землепользование многоквартирным домом, сосредоточились на поиске идеального, оптимального соседства или муниципалитета, единицы «человеческого масштаба» с «пешеходными параметрами», из которой можно собирать любые города и системы расселения. Версиями идеала были советские микрорайоны, секторы Чиндигарха, общины Исламабада, суперквадры Бразилиа со строгими количественными параметрами, числом жителей, размерами территории и т. п.

Между тем на практике нормальные, естественные пространственные единицы отмечены в первую очередь качественными, структурными отличиями. Их количественные параметры, размеры и емкость способны меняться в зависимости от множества обстоятельств в самых широких пределах. Пределы эти, однако, существуют и обнаруживаются в моменты их нарушения, они дают о себе знать появлением стихийных деформаций, неорганизованных парковок, непредусмотренных проходов, проездов, наконец, хаосом и неупорядоченностью. Оптимальный город или идеальный микрорайон, пригодные для любой ситуации, нормой не являются; нормальны различия средних размеров участка в городе и за городом, размеров малого города в Скандинавии, Китае и т. д.

Пространство города подчиняется столь же ясным правилам, главное из которых описывается моделью, напоминающей своими очертаниями гору Фудзи. Суть ее сводится к тому, что плотность застройки и улично-дорожной сети, достигающая максимальных значений в центре города и его главном узле, по мере движения к периферии падает до минимальных значений. Эта кажущаяся очевидной норма практически игнорировалась создателями образцовых советских городов вроде Тольятти и Набережных Челнов, которые собирались из одинаковых домов и микрорайонов, равномерно заполнявших весь участок.

Моноцентричная модель, описанная гора Фудзи, не универсальна: рост города, достижение им неких пределов приводит к делению старого центра, к появлению новых центров на месте новых узлов. Среди крупных и успешных городов современного мира практически не встречаются моноцентричные города. Нормой для гигантов вроде Токио, Сеула, Сингапура становится полицентричность, описываемая неким сообществом, группой больших и малых вулканов Фудзи.

Полицентричность заложена в генах большого города, подобно Лондону или Нью-Йорку хранящему память о поселениях, вошедших в их состав. Полицентричность может считаться и результатом глубинного конфликта исторического ядра и перекрестка важнейших связей, их несовместимости, приведшей к появлению парижского Дефанса вдали от Лувра и Сите.

Своя нормальность присуща и явлениям геомасштаба, в т. ч. пространства страны. Нынешняя модель российского пространства заметно отличается от советской, но эти ее отличия не определяются уверенным движением к норме. Не берясь за описание этой нормы, в качестве ее важнейшей черты следует указать на ответственность гигантских пространств уровню развития инфраструктуры, на сбалансированность отношений столицы и регионов, Запада и Востока страны. Этому не вполне соответствует политика приоритетного развития десяти городов-миллионников.

Норма встраивается в решение и реализуется в виде конкретных интерпретаций. Субстанциональная норма, которой следуют жилые дома и квартиры, консервативна,

предпочитает привычные и местные версии. Субстанции по природе пассивны и стабильны. Инициатором движения и смены нормы становится инфраструктура, следующая глобальным настроениям. Это сфера влияния инженеров, область постоянных изменений и новаций, активно воздействующих на субстанции, и, в конечном счете, меняющих и норму, и характер окружения. Вертикальный транспорт порождает небоскребы, а метро и эскалаторы приводят к появлению подземного города.

Норма существует как в жестком, строго задокументированном виде, так и в более мягкой форме предписаний и ограничений, присутствующих в профессиональной культуре. Именно профессиональная культура заставляла архитекторов-авангардистов, работающих в городе, следовать дореволюционным линиям регулирования. Эта же культура позволила возродить разрушенные войной города, где следы прежних линий регулирования попросту были утрачены.

Пространственный порядок, рожденной нормой, оказался последним из естественных порядков, успешно преодоленных советской властью в середине прошлого века. Главный удар был нанесен по субстанциям. Советская модель пространства ограничивалась одним типом специально сконструированного, искусственно выведенного коллективного многоквартирного дома. Этот дом становился единственным и главным компонентом микрорайона, основной клетки социалистического города, собранной вокруг средней школы и подчиненной строгой технологической схеме. Принципиальной чертой этой модели был переход к свободной планировке, исключавшей границы землевладений, а вместе с ними корреляцию домов и дорог, дорог и инженерных сетей. Прямым следствием свободной планировки стали резкое сокращение плотности улично-дорожной сети и утрата этой сетью ее роли пространственного каркаса и основы видимого порядка.

II. Рождение города

Нынешние представления о городе, его прошлом и будущем сравнительно молоды и сформировались под сильным впечатлением всего того, что происходило последние две сотни лет, которые включили в себя почти всю, от начала до конца, историю индустриального, промышленного города. Появление в городах фабрик и заводов, привлеченных присутствием рынков сбыта и квалифицированных кадров, другими городскими ресурсами, породило устойчивое ощущение прямой взаимозависимости города и промышленного производства. Восприятие города как места, где сосредоточено изготовление самых нужных вещей, в разной степени разделяется как марксистами, так и их критиками, как экономистами, так и географами, социологами, историками, градостроителями, градоведами и урбанистами. Пика популярности отношение к городу как к месту промышленного производства достигло в СССР, где стало основой государственной градостроительной политики.

Большинство нынешних толкователей города, как российских, так и зарубежных, продвинувшихся от Карла Маркса до Джейн Джекобс, продолжают считать город пассивной материей, не способной к развитию без помещенного в нее мотора в виде завода. Ощущение того, что город обязан своим существованием внешним силам, приходящим в него, поселяющемуся в нем, особенно живуче в нашей стране, где завод по-прежнему «больше, чем завод».

В рождающейся сегодня картине постиндустриального города место уходящего из него завода занимает сфера услуг; кажется, что одно производство сменяет другое. Между тем, индустрия обслуживания, услуги транспортные и бытовые, эпизодические и регулярные, информаци-

онные и процедурные, медицинские и образовательные, стандартные и уникальные, со сложной и меняющейся типологией не порождают, а сопровождают город практически с момента его возникновения.

Заданная когда-то оптика и имеющиеся инструменты не позволяют определить очертания будущего, его физику и образ. Обезличенные и отвлеченные показатели вроде ВВП и ВРП не имеют прямого отношения к происходящему и производимому в самом городе, они не раскрывают реальное наполнение видов деятельности и не соотносимы с тем, что происходит в городском пространстве. Действующая система оценок и представлений вытеснила из рассмотрения, подавила, обесценила и самостоятельную пространственную активность города, и питающие его жизненно важные внутренние источники силы и привлекательности.

Завод не столь органичен для города, не так жестко с ним связан, как казалось и кажется. Заводы меняют локализацию, переезжают из одной части страны в другую, из страны в страну, из городов за их пределы и обратно. У производства и проживания разные, зачастую противоположные, предпочтения. В отличие от жилья производство готово мириться с тяжелым климатом Крайнего Севера, пребыванием на морском шельфе или в безводной пустыне. Столицы и большие города редко бывают рядом с источниками сырья и местами его переработки. Русская промышленность последовательно предпочитала городам усадьбы, деревни и села, где производились уникальный фарфор, замечательный текстиль и современное оружие.

Функциональные, производственно-ориентированные модели города оказываются зыбким и ненадежным основанием для определения его убедительного и привлекательного облика. И если наивный функционализм, который упорно насаждался в архитектуре, отчасти смягчался влиянием открытий современного искусства, то градостроительство под натиском прагматиков и любителей абстрактных моделей оказалось беззащитным. Определение специфики города, его сущности, того нужного и ценного, во имя чего города существуют, оказывается трудно уловимым вне обращения к истории и истокам.

Предшественниками городов были не стоянки охотников и собирателей, не поселения первых земледельцев, изолированных друг от друга, избегающих контактов с соседями и склонных к простому воспроизводству без развития.

Основателями городов, инициаторами их появления стали яркие индивидуумы, выделившиеся из коллективного организма кровнородственной общины или пришедшие в нее извне.

Этими индивидуумами, бросившими вызов общине, разрушившими ее в конечном счете оказались первые специалисты, первые профессионалы – воины и торговцы, поначалу успешно совмещавшие грабежи с торговлей.

Стремящиеся к власти и богатству избирали принципиально иные, отсутствовавшие до тех пор формы в том числе и пространственного поведения. Военные подчиняли себе местные элиты, аристократию и вождей, заставляя платить контрибуции и налоги. Торговцы расширяли область и состав обмена, вводили в обиход деньги и устанавливали контроль над локальными и транслокальными рынками.

Будущие создатели городов, организаторы, инициаторы межгрупповых общественных контактов, как конфликтных, так и вполне мирных, поначалу были мигрантами, не сидели на одном месте. Местами их обитания были поля сражений и ярмарок, нередко совпадающие по локализации, торговые пути и маршруты военных экспедиций. Варяжские князья, собирая налоги с податного

населения, не испытывали поначалу неудобств от пребывания в домах подданных. Столь же невзыскательными были торговцы, проводившие в пути месяцы и годы. И именно эти люди, устав от постоянных перемещений, возложив на своих подчиненных и агентов главные риски, стали на все более продолжительное время оседать в определенных точках, становящихся городами.

В отличие от своих исторических предшественников, города не прятались в лесах, на болотах, в недоступных местах, куда ведет единственная малоизвестная тропа. Они гордо демонстрировали свое присутствие, занимая самые обозреваемые и посещаемые места, перекрестки дорог и визуальных связей, вершины холмов и места у слияния рек. Город, всегда лучше защищенный от агрессии, не зависел и от капризов погоды, от засух и наводнений, от того, что усложняло жизнь земледельцев и охотников.

Военные и торговцы быстро обрастают помощниками, профессионалами и специалистами. То, что военные раньше изымали у побежденных народов, а торговцы привозили из далеких стран, стало производиться в городах. Возник институт регулярного устойчивого спроса и потребления. Новым трофеем и товаром становится ремесленник, специалист-профессионал, его умения, т. е. нечто более эффективное, ценное и легче прививаемое к телу города. Успешные ремесленники свозились в столицу Чингисхана Каракорум, были предметом гордости городов-гигантов XVI – XVII веков вроде Амстердама и Венеции.

Самым популярным продуктом городского производства, самым выгодным товаром и ценным трофеем становятся предметы роскоши. Город специализировался на «излишнем» и уникальном, которое, по известному выражению, оказывается более востребованным, ценным и нужным, чем «необходимое». Тяга к излишнему и неповторимому оказывается спровоцированной, подогретой городской культурой, постоянно растущими потребностями элитариев от бизнеса и власти, успешно доказывающими, что у богатства и роскоши, в отличие от бедности и нищеты, пределы отсутствуют.

Города рождались и складывались как разборчивые и требовательные потребители, диктующие цели и задачи, смыслы и стандарты, идеи, прообразы и концепции продуктов. Производитель, средневековый ремесленник или директор советского завода, консервативен и не склонен к новациям. Он готов до последнего сопротивляться изменениям, которые требует город, которые он навязывает своему ближнему и дальнему окружению. Только потребности города, постоянно опережающие возможности производства, стимулируют развитие, запускают и перезапускают процесс, который принято называть прогрессом.

Ведение войн и заморская торговля, управление растущим хозяйством, сбор и накопление налогов, обеспечение экспедиций требуют знаний и умений, носителями которых становятся профессиональные инженеры, астрономы, химики, географы, конструкторы кораблей и крепостей. И все они, включая солдат, чиновников, ремесленников и банкиров, обитателей и создателей городов, не настроены самостоятельно производить массовый стандартный продукт и включаться в рутинную работу. Производство обособляется, уходит на периферию или за пределы города. Знаменитое венецианское стекло производится на островах, вдали от площади Сан-Марко.

Выделение, профессионализация сферы услуг стала одной из величайших новаций, рожденной городами. Институт семейного обслуживания и персональной прислуги вытесняется «человеческими индустриями». Врачи и учителя, кулинары и артисты, свободные и получающие высокий статус «придворных», звезды и простые

труженики малого городского бизнеса заполняют поры городского пространства, его первый этаж, воспитывают облик, среду и атмосферу, именуемыми «городскими».

Город подарил своим обитателям свободное время, поделил время на трудовые будни и праздники и сделал праздники – кульминацией потребительской активности, отчетливо обозначив особую роль потребления.

Изначально город не связан с землей как источником существования. Основателей успешных городов, в отличие от земледельцев, от людей, добывавших камень или золото, не волновали качество почвы или наличие ископаемых. Город зависел не от земли, но от связей с местами, где нечто росло, возделывалось, добывалось и производилось.

Торговые города, города-рынки и города-ставки или резиденции отмечены разными родовыми чертами и признаками, легко различимыми даже спустя столетия. Носителями этих признаков являются пространственные зародыши, геномы и сгустки материи, сосредоточенные в центре города, который далеко не всегда возникал в его середине. И рынок, и дворец без ущерба для их репутации, подобно Кампо в Сиене или Тоомпеа в Таллине могут сдвинуться к его границам.

Париж с Лувром, Петербург с Зимним дворцом, Пекин с Гугунгом по своему происхождению города-резиденции. Прямыми и чистыми примерами города-резиденции оказываются Версаль и Эскориал, Царское Село и Потсдам. Более поздними версиями городов-резиденций становятся новые столицы – Нью-Дели, Бразилиа, Канберра, Исламабад и Астана. Центральное, самое высокое и значимое место в таком городе занимают замок или дворец, обычно с парадной площадью для официальных церемоний и торжеств, становящейся своего рода метафорой полей битв и сражений, оставшихся за победителем.

Торговые города вроде Венеции, Флоренции, Пскова и Великого Новгорода разворачиваются вокруг рыночных площадей с торговыми рядами, т. е. вокруг публичных общедоступных многолюдных мест, способных вобрать все население города. Здание городского совета или парламента подтверждают статус площади, ратуша обозначает ее, не стараясь подчинить и подавить. Современными версиями торговых площадей оказываются обширные деловые районы, скопления офисов и банков, наследующие пространственные претензии своих предшественников.

У города-резиденции и города-рынка разные стратегии, разные отношения с окружающим миром, разные локализации. Власть предпочитает иметь дело с понятными субстанциями, с территориями, имеющими четкие параметры, ясные границы и стабильное устойчивое население, все то, что позволяет вести учет и контроль, управлять и регулировать. Власть должна оказаться в середине управляемой территории, в точке, равноудаленной от всех и равно ко всем приближенной. В этой точке оказывается столица, главный город. Сюда же направлены все внутренние связи, здесь сходятся все пути. Власть, сколь бы демократичной и распределенной она ни была, всегда предпочитает моноцентричность, ясную иерархию, ровную, вертикальную, относительно закрытую, интровертную структуру.

У бизнеса иная пространственная природа. Он опирается на открытые, сетевые структуры и старается преодолеть барьеры, препятствующие установлению необходимых контактов. Ранние торговцы, основатели городов-рынков стремились не к центру регионов

или метрополий, а к границам, местам встречи внутренних и внешних путей. Рынки возникали у слияния рек, на волоках и берегах незамерзающих морей, в тех точках, откуда начинались пути в другие, заморские миры. Города-рынки становились воротами страны, тесно взаимодействующими с такими же воротами других стран, при активном посредничестве мировых океанов, водного и позднее воздушного. Торговля, рынки и обмен породили экстравертные, горизонтальные связи, идущие поверх государственных и региональных границ. Сетевые структуры не наделены ригидностью государственных образований, они гибки, подвижны, часто меняют очертания, быстро возникают и быстро распадаются. Это истории Ганзейского Союза, городов Шелкового пути, Ост-Индских компаний, история соперничества Венеции и Генуи, наконец, история нынешних транснациональных сетей – сухопутных, морских и воздушных.

Чистые, без примесей, города-резиденции и города-рынки – некое допущение; на практике они существуют не порознь, но в одних и тех же пределах. Власть и бизнес, «друзья-соперники», нуждающиеся друг в друге, они взаимозависимы и одновременно стараются друг другу не уступать. Абсолютное большинство городов имеет в своем анамнезе и рынок, и замок. Кремль и Красная площадь Москвы, Дворцовая и Сенная площади Питера, Градчаны и рынок в Праге, Уайт-холл и Сити в Лондоне, Берлинский замок и Александр-плац – замок на скале и рынок под скалой, центры верхнего города и нижнего, два средоточия смыслов и силы, два архетипа, претендующих на первенство, способны или вступить в диалог и запустить внутригородской механизм развития или, затеяв склоку, ввергнуть город в состояние кризиса. Отношения центральной власти и большого бизнеса завершаются их разводом, как в случае Нью-Йорка и Вашингтона, Мадрида и Барселоны, Пекина и Шанхая или браком, который ценой немалых усилий складывался в Лондоне или имперском Санкт-Петербурге.

Начав с управления и торговли, город вскоре обнаружил способность к производству и распространению культуры.

Зародышем того, что впоследствии превратилось едва ли не в самое примечательное и заметное место города – его культурный, культурно-исторический центр, были очаги пантеистических культов, скрытые от посторонних глаз таинственные миры предков. Разделение окружения на мир живых и мир мертвых положило начало созданию храмов и святилищ. Город превратил культы в культуру, став местом рождения больших религий и церквей.

Орденские замки, города-монастыри, государства крестоносцев бросали вызов и светской власти, и власти меркантилизма. Церковь становится генератором и хранителем этических норм и поведенческих стандартов, создает школы, университеты, больницы, дома призрения. Здесь находят работу, приют и защиту художники и литераторы, хроникеры и философы. Здесь создаются и испытываются базовые модели, архетипы дома и города, складывается представление о пространственном порядке и регулярности.

Церковь не просто сопровождала власть и торговлю, размещая храмы у замков и рынков, но активно формировала мир. Храмы, большие и малые, главные и второстепенные соборы стран и городов организуют вслед за городским силуэтом весь культурный ландшафт. Церковь успешно доказала, что власть над умами и торговля правом на вечную жизнь оказываются не менее эффективными занятием, чем владение землями и продажа заморских товаров. Эту власть и влияние оспорили наука и искусство, выращенные, воспитанные, сохраненные в лоне церкви, но освободившиеся от ее опеки и ставшие ее конкурентами и противниками.

Эмансипированная культура не могла состояться без поддержки покровителей в лице власти и бизнеса, с их помощью создаются светские храмы, театры и музеи, которые невозможно представить вне городов и без которых невозможен город.

Культурные институты приобретают вес, сопоставимый с весом церкви, обнаруживают впечатляющую жизнеспособность, склонность к независимости и саморазвитию. Двигаясь дальше, культура предложила свою систему нематериальных ценностей, какими становятся новости, сообщения и распоряжения – все то, что принято называть информацией, то, что в значительной степени контролировалось церковью, теперь поступило в свободный оборот как уникальный культурный продукт. Вслед за властью и бизнесом культура создает свои локусы, свои очаги, тяготеющие к историческому центру, к месту зарождения города.

Жителей города не связывали ни родство, ни совместный труд. Более того, их не всегда объединяли власть и бизнес.

Силой, способной создать и сплотить городское сообщество, оказывает культура и ее материальное воплощение – культурно-исторический центр.

Превратившись в третью силу, культура заимствовала у церкви, унаследовала у нее право на создание картины мира, картины будущего, идеального города и идеального мира – того, в чем власть и бизнес были не всегда успешны и убедительны.

Инкарнациями монастырей и паломнических центров, своего рода моногородов, порожденных культурой, становятся университетские города, наукограды, туристические центры и города-курорты, более успешные и жизнеспособные в сравнении с городом-заводом.

Городское сообщество, разнообразное, многоликое и многочисленное, компактно собранное в одном месте, ощущавшее внешнее давление, было вынуждено управлять пространственным развитием, создавать особые институты и практики.

Образ жизни, атмосфера, среда все больше отделяют город от природы, все активнее противопоставляют естественному окружению. С момента своего рождения город обнаруживает претензии на создание собственного, искусственного мира, сделанного руками человека по другим законам, отличным от законов природы. Культурный ландшафт, его компоненты, дороги и мосты, дамбы и каналы, причалы и платформы, гигантские храмы и дворцы возводились и поддерживались невзирая на немислимые, кажущееся неразумными и нерациональными усилия, по сути своей адресованные будущему и спровоцированные инстинктом выживания через продолжение рода. Новое, сегодняшнее будущее состоит из авиасообщений, скоростных железных дорог, автомагистралей, космических группировок, контроля экологии и параллельного цифрового ландшафта.

III. Город и деревня

Город и деревня – полуобразы-полупонятия, что вполне соответствует их двойственной природе. С одной стороны, это дело рук человеческих, с другой – это предмет рассмотрения, обнаруживающий способность к самодвижению и саморазвитию. Город и деревня едины во множестве лиц. Наше сознание мгновенно откликается при упоминании о городе и деревне серией картин, складывающихся в одно непрерывное изображение, в некие хронотопы. Эти образы-хронотопы наделены огромной емкостью и одновременно компактны. Они вбирают без остатка все накопления, все важное и второстепенное, но при этом нескрываемо необъективны. Как образы, живущие в персональном и коллективном сознании, город и деревня приобретают характерную окраску, порождают

оценки и превращаются в метафоры. Как понятия город и деревня распадаются на множество составляющих, становятся поводом беспристрастных суждений и непредвзятого анализа.

Этот анализ мгновенно обнаруживает, что и город, и деревня – социально-пространственные явления, в которых и живая, и неживая материя, люди и их физическое окружение, сохраняя независимость, соединяются в причудливое целое, где роли ведущего и ведомого, причина и следствие меняются местами.

Равноуважительное отношение к городу и деревне, выравнивание их прав связаны с очевидными рисками и непониманием со стороны многочисленных урбанистов и им сочувствующих. Разрушение сельских ландшафтов и экосистем, столь характерное для всего прошлого века, в СССР осуществлялось в рамках госполитики, т. е. с особым размахом и редкой последовательностью. Борьба с деревней ощущалась как борьба с основами и корнями, питавшими принципиально враждебную национальную культуру, как борьба с религией и следами языческого сознания.

Резкое обострение отношений города и деревни, игнорирование и подавление деревни, возрождение, казалось бы, давно разрешенных конфликтов не прошли бесследно: возникло ощущение мира, ограниченного городом, состоящего исключительно из городов, предпочтительно больших.

Устойчивость урбанистических идеалов и настроений, их популярность представляются все более странными и не вполне уместными на фоне реальных событий, свидетельствующих о постепенном восстановлении баланса между городом и деревней, о перерождении деревни, о росте интереса к «негороду».

В тот момент, когда по представлениям урбанистов, все население земли и, в первую очередь, граждане РФ, должны перебраться в город, сами граждане рассудили иначе. Неминуемое переселение явно откладывается, и первыми такое решение принимают представители элиты.

«Мировая деревня», теперь уже под новыми именами «субурбии», пригорода, коттеджного поселка, технопарка, загородной индустриальной зоны и т. д., возрождается как важнейшая часть культурного ландшафта, без которой он неполон и лишен живительного разнообразия.

Если город возник и развивался как принципиально новое явление, разрушавшее родоплеменной мир, то деревня в самых разных ее состояниях и проявлениях оказывается наследницей этого самого первого, архаического мира. Появление городов не уничтожило, но изменило, переродило родоплеменные поселения, превратив их в места, зависимые от города, в деревни, села и загородные резиденции. Постепенное изъятие и присвоение городами функций и полномочий предшественников, включая право на самозащиту, на свободный натуральный обмен, на ремесленные производства, оставило деревне мало выбора, превратило в средоточие всего консервативного и локального, того, что противоречит унификации и беспамятству. Деревня упорно хранит признаки общности, закрытости и самодостаточности, собственную, свою культуру, именуемую «фольклором».

Города по-прежнему с трудом осваиваются теми, кто пришел из кланового, деревенского мира, предпочитает жизнь внутри замкнутых этнических сообществ.

История и теория архитектуры и градостроительства традиционно игнорируют деревню. Архитектор высокомерно относится к деревне и сельскому ландшафту, оставляя их на попечении землемера. Тем не менее,

архаические и догородские, сельские, ранние формы существования продолжают жить.

Они обнаруживают редкую устойчивость и верность правилам, кодам и архетипам, которые сохраняются, вспоминаются и заново воспроизводятся вполне непреднамеренно. Сельские, деревенские «коды» и способы их воплощения прочно встроены в особую программу создания собственного окружения, хранимую в коллективной и индивидуальной памяти. Эта программа, для многих по сей день не имеющая «городской альтернативы», реализуется и в районах самостроя больших городов, и в местах, разоренных войнами и землетрясениями, и в элитных поселках, где живут те, у кого есть выбор.

Различие городского и сельского, вызванные разделением труда или разным правовым статусом, неустойчивы и не абсолютны. Занятия горожан и селян бывают сходными, меняются, исчезают и возвращаются. Самые яркие отличия городского и сельского, питаемые характерными образами и знаками, на которые легко откликается и обыденное, и профессиональное сознание, сводятся к разным стратегиям средового или пространственного поведения. Мир деревни неразрывно связан с природой, с природным окружением, основан на согласии с природой, ее почитании и эмоциональном предпочтении. Места, благоприятные для сельского хозяйства, оказываются привлекательными и для жизни.

Все компоненты сельского мира – небо, вода, растения и животные собраны вокруг главной ценности – земли. Земля, ее обустройство, культура землепользования определяют очертания сельского пейзажа. Земля отчетливо проступает сквозь разреженную и низкоплотную россыпь строений. Участок земли, парцелла или надел первичны по отношению к домам и самоценны.

Сельский дом, сельская усадьба подчинены минимуму внешних ограничений, способны развиваться и расти в любую сторону. Их облик определяется в первую очередь вкусами и возможностями владельца и обычно отчетливо декларирует принадлежность местной культуре.

Городской, урбанистический мир решительно порывает с природой и природным окружением, становится «второй природой», не останавливается перед созданием своей собственной, рукотворной «земли», многослойной, многоуровневой, многократно воспроизводящей естественную поверхность и полностью меняющей ее первоначальные очертания. Обитатели многоэтажных домов теряют ментальный, прямой контакт с землей, утрачивают ощущение времени, зависимость от времени дня и года и от реальных расстояний. Городское пространство опирается на коммуникации, на улицу, на инфраструктуру. Ценность городской парцеллы или участка пропорциональная длине уличного фронта и качеству улицы, ее локализации и места в иерархии уличной сети. Городской дом, городская усадьба, в отличие от сельского, подчинены жесткому порядку, строгим внешним ограничениям и способны расти и развиваться лишь вверх и вниз. Эти дома интравертны, а принадлежащие им открытые пространства пребывают не вокруг, а внутри них. Тело города твердо и упруго, его компоненты подогнаны друг к другу, тесно взаимосвязаны и нередко утрачивают персональные отличия и роль ориентиров, характерные для их сельского антипода. Представителями города становятся интерьеры улиц, площадей, бульваров и парков,

имеющих собственные имена и собственную историю, которые не часто встретишь у деревенских улиц.

Деревенская, сельская модель выглядит более целостной и внятной, чем модель города, деревня – порождение видимого, понятного и привычного прошлого. Город живет картинками будущего, которые выглядят размытыми и менее определенными. Деревня предсказуема, более контролируема, избегает радикальных трансформаций, готова не меняться на протяжении многих лет, и именно это составляет основу ее привлекательности. Деревня интровертна, гомогенна и своей неуступчивостью уравновешивает экстравертный, гетерогенный, меняющийся и не всегда прогнозируемый город.

Городское и сельское, урбанистическое и аграрное не только признаки отдельных поселений, но и фундаментальные, цивилизационные категории, отражающие характер, истоки и природу национальной культуры и национального пространства. Деревни и города, принадлежащие одной культуре, отмеченные общими родовыми признаками больше походят друг на друга, чем города, воспитанные в разных культурах.

На протяжении длительного времени города и деревни, пребывавшие в состоянии непрерывного обмена, имели одну и ту же элементную базу – семейный дом на своей земле. Отдельно стоящий деревянный дом с хозяйственными постройками, защищенный от пожара размерами участка, деревянные храмы и мостовые определяли аграрный облик Восточной и Северной Европы.

Каменный дом, расположенный вплотную к соседу, каменный храм и каменная мостовая – признаки городского пейзажа. Российское пространство, российская культура имеют отчетливо фиксируемые аграрные, сельские черты. До середины пятидесятых годов и начала массового жилищного строительства большинство населения страны, включая тех, кто считался жителем города, жили в условиях, мало отличимых от сельских, причем сами эти условия напоминали скорее о происходившем тысячу лет назад, чем о современных им городах. Город каменный и регулярный как средовое явление был введен вместе с заграничной одеждой Петром I, положившим начало урбанизации российского общества и российского пространства, созданием первого города в стране аграрной культуры. С этого момента насаждение нового урбанистического порядка становится одним из главных увлечений российской, а затем советской власти, что приводит к появлению противоположности города и села, которая ощущается в России с особой остротой.

Двузначность, присутствие своего и чужого, городского и сельского, принципиальная гетерогенность национального ландшафта не только российская черта. Китай, Япония, Южная Корея, страны юго-восточной Азии спокойно скрестили традиционный аграрный пейзаж с урбанистической моделью Даунтауна, центрального делового района, заимствованный уже не в Европе, а в Соединенных Штатах.

Вопреки популярным представлениям, урбанистический порядок не является ни безусловным благом, ни неким императивом.

В то самое время, когда российская власть насаждала урбанистическую культуру, носители этой культуры, потомки создателей каменных городов, оказавшиеся в Северной Америке, продвигаясь на запад от портов Новой Англии, не воспроизводили пространственные решения Старого Света. При активной поддержке власти эти люди создавали не привычные им компактные и тесные каменные деревушки, напоминающие мини-города старой Европы, но строили сеть удаленных друг от друга на большие расстояния фермерских хозяйств, практически устанавливающих принципиально новый для недав-

них европейцев аграрный пространственный порядок. Утверждение, укоренение этого порядка в американской культуре предопределило триумфальное появление спустя два-три столетия американской субурбии.

Создание массового американского частного дома с деревянным каркасом и деревянным наполнением, неожиданное, но естественное, рациональное, адекватное новым условиям решение свободных от предрасудков людей не уступает по значимости изобретению небоскреба.

Это сделало Америку не просто обладательницей двух символов технического прогресса, но страной с выраженным ярким отличием двух сред, городской и деревенской.

Нынешняя деревня своим возрождением обязана городу, охотно отдающему сегодня свои долги и очевидно чувствующему необходимость сохранения связи с деревней как условия собственного выживания и благополучия.

«Город в деревне» – это городские практики, предпочитающие сельское окружение большому городу. Исход из города, движение горожан к природе, дающее ощущение возврата к правильному, традиционному образу жизни, имеет солидную историю, начало которой положено создателями загородных дворцов, вилл и усадеб. Этот процесс втянул в себя советскую номенклатуру и «новых русских», толпы дачников и владельцев садовых участков. Демократичными, народными и коллективными версиями загородных дворцов становятся дома отдыха, турбазы, санатории и курортные гостиницы. Стремление обрести «рай на земле» уводит из города не только отдыхающих. Негородские, сельские, загородные очертания приобретают университеты, исследовательские центры и лаборатории, клиники и офисы крупных компаний. Эта лоном «креативного» пространства становится огромная, вяло застроенная «Силиконовая долина». Нормой становятся переезд из города в деревню с выходом на пенсию и уходом со службы, жизнь за городом и работа в городе.

Город и деревня обречены на постоянное сближение и постоянную разделенность, на вечный диалог, местом которого становятся пограничные, промежуточные территории, пригород и малый город. У «пары» город-деревня получают разные потомки: более удачные и жизнеспособные и менее жизнеспособные, более похожие на город, т. е. с квартирами на этажах и дверью на общую лестницу, и больше смахивающие на деревню – с домами на земле и дверью на улицу.

IV. Три города

Город с момента своего возникновения существенно преобразился. Возникшие на разных континентах и в разное время города все меньше походят на самих себя в прошлом и все больше напоминают друг друга. Они явно стремятся соответствовать некой новой общей и убедительной норме. Ее появление говорит о том, что норма определяет не только состояние: нормой становятся изменения, эволюция городского пространства. Выстраивая линию эволюции, мы получаем систему отсчета или измерения, позволяющую понять, в каком состоянии, на каком этапе развития пребывает тот или иной город. Подобно населяющим их людям города, существующие параллельно, в одно время, часто пребывают в разных эпохах, то есть не являются «современниками». Кто-то опережает время, кто-то отстает. Измерить, оценить состояние разных городов можно не только на основе неких отвлеченных количественных показателей, но и ценой логических построений, качественных характеристик и анализа их пространства, дающих не менее надежный и к тому же наглядный результат.

Перечень состояний городов, «эволюционная линейка», оказывается не столь длинной, как может

показаться. В соответствии с традицией, сложившейся в позапрошлом веке, история городов покорно следует за сменяющимися друг друга экономическими формациями или способами производства. То обстоятельство, что на смену советской догматической линейке, состоявшей из рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического городов и определивших их формаций, пришла новая, собранная из «доиндустриального», «индустриального» и «постиндустриального» состояний, ситуацию не сильно меняет. При этом античность все чаще признается принадлежащей другой, не вполне европейской цивилизации, вроде арабской или китайской, хоть и оказавшей на Европу несомненно большее воздействие.

А тот этап развития, который наступает сегодня и именуется «постиндустриальным», как и соответствующий город, обычно выглядит менее внятно, чем уже забытый город «социалистический», в котором еще недавно многие жили.

Центральным звеном принятой сегодня системы отсчета, ее главной координатой стал «индустриальной» город, который при ближайшем рассмотрении оказывается, в зависимости от предпочтений, либо относительно кратким полуторавековым эпизодом многовековой истории европейского города, либо еще менее продолжительным периодом имплементации модели социалистического города.

Любой городской порядок не следует слепо за экономической или социальной укладом; пространство живет своей жизнью внутри общецивилизационного процесса, который охватывает и подчиняет себе и экономику, и технологии, и социальные структуры. Имперский Санкт-Петербург и демократический Вашингтон питались одними идеями, а социалистический Тольятти не сильно отличается от капиталистической Бразилиа.

И первая промышленная революция, и недавняя научно-техническая, не говоря о разного рода экономических «укладах», не ведут к немедленному изменению города. Подчиняясь своей внутренней логике, пространственное устройство способно как опережать и предугадывать социальные и технологические вызовы, так и подолгу не откликаться на нужды людей или великие технические открытия. Пространство городов проживает свою историю и свои революции, совпадающие или не совпадающие с другими революциями.

Сравнение субстанций, т. е. зданий и сооружений, их скоплений и массивов, принадлежащих разным эпохам и разным городам, не всегда позволяет ясно увидеть изменения, тем более квалифицировать эти изменения как существенные и глубокие. Другое дело – сравнение состояний инфраструктуры.

Инфраструктура с момента появления городов отчетливо делится на внешнюю, определяющую их локализацию, фиксирующую положение в пространстве, и внутреннюю, которая задает план, организацию города. В отличие от деревни, город не терпит изоляции. Блокада, нарушение контактов с окружающим миром для города губительны. «Вечными» города делают важные и вечные перекрестки и узлы коммуникаций. От эффективности, качества, мощности, числа внешних связей напрямую зависит судьба города, его статус как местного или регионального, затем общенационального, принадлежащего некому макрорегиону или национальному образованию, и, наконец, «мирового», оказавшегося на перекрестке важнейших транснациональных, национальных и локальных коммуникаций. Здоровье города определяет его

внутренняя инфраструктура, качество, рисунок и плотность решеток и сетей коммуникаций. Своевременная трансформация таких решеток может вдохнуть жизнь в дряхлеющий старый город и, напротив, инфраструктурное отставание делает город нежизнеспособным.

Непредвзятому, не обремененному кучей второстепенных деталей и подробностей системному, обобщенному, генерализованному взгляду на прошлое удается отчетливо распознать лишь три принципиально разные модели города. Три разные морфологии, порожденные тремя фундаментальными инфраструктурными сдвигами. Эти сдвиги можно считать великими градостроительными или пространственными революциями, поскольку они постепенно охватывали все рукотворное пространство, включая консервативную и упрямую деревню.

Первая градостроительная революция породила город и отделила его от деревни. Первый город, он же исторический, средневековый, доиндустриальный предпочитал водные внешние связи, места у слияния рек, на волоках, у выходов к морю. Контролируемая локальная сеть дорог охватывала лишь ближайшее к городу окружение. Оставшиеся на территории Западной Европы римские дороги часто оказывались заблокированными, а широтные пути Восточной Европы, освоенные кочевниками, если и действовали, то зимой. Немногочисленные городские жители обоих европейских субрегионов не обнаруживали интереса к территориальной экспансии, не стремились в глубины континента и ограничивались освоением прибрежных полос. Обитатели первых городов не утруждают себя сложной и многотрудной предварительной подготовкой территории; дома возникают «по месту», в обход препятствий, следуя рельефу и принципу минимизации усилий, лишняя трата которых бессмысленна в ожидании «Царствия Небесного».

Внутренняя инфраструктура города, кажущаяся запутанной и иррациональной, создавалась «по остаточному принципу», занимая некий минимум городского пространства. Общественная жизнь была сосредоточена на площадях, а места между домами были одновременно и пешеходными связями, и инженерными коммуникациями для сброса сточных вод и отходов жизнедеятельности. Городской мир был пешеходным, как и мир сельский, что объединяло городскую знать с плебсом, а город с деревней. Первый город породил, довел до совершенства, отточил модель пешеходного поселения, восхищающего миллионы туристов, блуждающих по лабиринтам Венеции и Флоренции, и задал прототип современных торговых моллов, пассажей, атриумов и конкорсов.

Европейские альтернативы средневековому городу, приведшие ко второй градостроительной революции, стали возникать с середины XV века и оформились к середине XVII века. Революция, продолжавшаяся двести лет, от Филарете до Бернини, завершилась полной победой регулярного города, города-ансамбля со строго выверенными планировочными осями, разрезавшими плотную средневековую ткань. Последними героями истории регулярного города становятся новые столицы: Бразилиа, Чандигарх и Исламабад, советские моногорода. Советский город, состоящий из типовых домов, задуманный и осуществленный одновременно, стал самым полным воплощением идеи города-ансамбля и его исчерпывающим финалом.

Второй город существенно расширил внешние связи, распространил влияние не только до границ с соседями, но и на другие континенты. Развитие заморской торговли и освоение удаленных территорий оказались возможными из-за возросшей инфраструктурной обеспеченности, организации портовых хозяйств, появлению мощных дорог и регулярного, в том числе почтового, сообщения. Вершиной достижений эпохи стали пароходы и железные дороги, резко отделившие город и цивилизацию от ее предшественников и современников. Человечество впервые ощутило эффект скорости, объединившей время и пространство. Диалог города и деревни расширился и обогатился, трансформировался в диалог главного города и провинции, диалог империи, имперской столицы и региональных, национальных, колонизированных и присоединяемых территорий.

Второй город создает собственную модель, собственную матрицу и порядок. Это город-ансамбль, дисциплинированный и строгий. Его предшественниками были редкие идеальные города и огромные загородные ансамбли с регулярными парками, своего рода макеты будущих городов в натуральную величину, но выполненные из земли, воды и зелени. Подлинный и настоящий второй город рождается в результате масштабных реконструкций и перепланировок существующих городов, их развития и создания новой инфраструктуры. В роли главных и принципиально новых связей выступают прямые проспекты, подчиняющие лабиринты улиц, набережные, сменившие неухоженные берега морей и рек, и бульвары, проложенные по трассам городских укреплений. Справедливости ради можно заметить, что создатели второго города старались не только сохранить эмоционально значимые следы предшественников, но достаточно широко и свободно толковать собственно «регулярность». Кривая Риджент-стрит Нэша и пейзажный английский парк существенно расширили границы регулярности. Новые пространства, бульвары, набережные и проспекты быстро обживаются и превращаются в постоянно, круглосуточно и круглогодично действующий центр города, заменивший старую торговую площадь. Проспект становится местом официальных церемоний, манифестаций, демонстраций и парадов – событий, ранее отсутствовавших в городской жизни.

Новые компоненты городского центра, главные внутренние связи разделяются на пешеходную зону, или тротуары, идущие вдоль первых этажей с магазинами и кафе, и транспортную, или проезжую часть. Появляются извозчики и общественный транспорт. Главные связи дополняются связями «второго порядка», жилыми улицами; складывается упорядоченная, «безтупиковая» общегородская уличная сеть. Улицы, проспекты, набережные и бульвары сопровождаются независимыми системами водоотведения. Подземные уровни начинают использоваться в интересах всего города.

Третья городская революция осуществляется на наших глазах. Ее приход готовился целым сообществом изобретателей и инноваторов – от Говарда и Сориа-и-Мата до Отиса и Форда. Дожить до Третьей Революции оказалась под силу лишь европейскому городу и тем, кто воспользовался его примером. Города Древнего мира, Вавилон и Мемфис, столицы ацтеков и инков, даже античные города, перейдя к регулярности, остановились на почтительном расстоянии от точки, в которой находится успешный современный город. Третья градостроительная революция, начавшаяся во второй половине XIX века, завершилась спустя 100 лет, предельно практически все основные признаки того города, который многие склонны считать «постиндустриальным». Этот город отмечен ростом подвижности, возникновением единого

информационного и единого физического пространства, объединившего город с «негородом».

Пригород и загород становятся продолжением города, его частями, объединенными общей инфраструктурой и образом жизни. Третий город вобрал в себя, по сути, весь современный мир – от тесно стоящих гигантских небоскребов до бесчисленных семейных домов, двинувшихся к природе.

Третья инфраструктурная революция и третий город – результат впечатляющих прорывов в развитии инфраструктуры. Скорость движения транспорта растет в разы, скорость в воздухе увеличивается на порядки. Связь становится многоканальной, комбинированной, допускающей возможности выбора разных маршрутов и способов перемещения по одному маршруту. Разные виды транспорта собираются в одних узлах, от качества и мощности которых напрямую зависит успех города, возможность его вхождения в элитный клуб больших городов, где сходятся и расходятся многочисленные маршруты всех видов транспорта, образующих глобальную сеть. Конкуренция и борьба в сфере коммуникаций, интерес к владению связями постепенно опережает и вытесняет интерес к контролю над территориями. Подтверждением тому – работа Китая над «шелковым путем», над железными дорогами в Восточной Африке и растущие инвестиции в космические технологии. Развитие транспортной и инженерной инфраструктуры сопровождается появлением принципиально новых инфраструктурных, сетевых образований – экологического комплекса, допускающего мониторинг и регулирование состояния воздушного и водного бассейнов, погодно-климатических условий, и комплекса цифрового, превратившегося за считанные годы в непревзойденную по своему влиянию глобальную паутину.

Мировые города не нуждаются в столичных обременениях и административных обязательствах, которые все чаще возлагаются на не самые крупные города. Большой бизнес становится транснациональным и сложно уживается с национальными бюрократиями. Почетное звание мировых городов, как правило, приобретают либо извечные соперники столиц – Шанхай, Милан, Франкфурт, Сидней, Роттердам, либо города-государства – Гонконг, Сингапур, Дубай или Катар, избравшие судьбу глобальных коммутаторов.

Во внутренней инфраструктуре городов происходят изменения не менее заметные, и самые впечатляющие из них наблюдаются в центрах. Новой версией городского рынка становятся огромные многофункциональные сооружения, представляющие собой скопления небоскребов над многоуровневым подземно-надземным узлом, вбирающим все виды внутригородского и междугородного транспорта. Основой этого «города в городе» является система эскалаторов, лифтов и пешеходных путей, к которым тянется сонм самых разных и постоянно меняющихся коммерческих заведений. Сооружение такого рода было отчасти подсмотрено Ле Корбюзье в Нью-Йорке, отчасти им предугадано и предложено в проекте Современного города, центр которого представлял собой окруженную небоскребами многослойную платформу с центральным вокзалом и аэродромом на крыше.

События, происходящие вне узлов и центров, возможно, не столь зрелищны, но не менее принципиальны. Вслед за железными дорогами, за подземным рельсовым транспортом в город ворвались многополосные магистрали безостановочного движения, которые полностью изменили ландшафт, когда-то заданный проспектами и бульварами. И если, приближаясь к центру, магистрали взбираются на эстакады или деликатно опускаются под землю, то за пределами центра они жестко, однозначно подчиняясь своей логике, режут и меняют город.

С появлением магистралей улично-дорожная сеть, коммуникационная решетка становится трехслойной. Первый, самый насыщенный и разветвленный, – это слой пешеходных путей. Второй слой – слой улиц, где пешеход встречается с общественным транспортом и автомобилем; третий, самый разреженный, редкий и самый агрессивный – слой рельсовых путей безостановочных многополосных магистралей, безраздельно принадлежащих транспорту.

Но, изменив город-ансамбль, заняв набережные и проспекты, магистрали сделали относительным сам город, практически стерев его границы. Железные и автомобильные дороги растаплили, растворили, выплеснули большие города за их пределы, изменили вектор миграции. Деревенского жителя, рвавшего в город, сменил горожанин, возвращающийся с работы в деревню.

С противоположностью деревни и города покончила не социалистическая революция, а революция инфраструктурная, давшая дороги и машины, новые инженерные системы и бытовые приборы, обеспечившая свободный доступ к информации. За последние десятилетия была полностью преодолена зависимость потребителя от огромных предприятий по производству и доставке воды, тепла, электричества. Под лозунгами «зеленого строительства» большие и малые дома, жилые и общественные, успешно переходят на автономные и комбинированные системы жизнеобеспечения с использованием возобновляемых источников энергии.

Разнонаправленные миграционные потоки объединяют разные типы сред, а единая система расселения, о которой говорилось в советские времена, становится реальностью с тем лишь отличием, что стимулируется не интересами производства, а рынком и потреблением.

Разделение производства на аграрное и промышленное уступает место другой сегментации: делению на нечто массовое, стандартное, автоматизированное и роботизированное, уже не требующее присутствия «трудовых армий», и нечто «кастомизированное», уникальное и штучное, требующее столь же уникальных исполнителей. Массовое производство уходит в специально создаваемые индустриальные зоны и сельскохозяйственные полигоны, а на другом полюсе возникают новые виды «гаражных производств», городские или домашние фермы и т. д., и т. п.

Массовое общество приобретает огромные ресурсы свободного времени и невиданный ранее перечень предложений от индустрии отдыха и «ухода от дел» со своими городами и деревнями, со своими торгуемыми продуктами, включающими культуру, здоровье, среду, климат, место и время.

Все три города развивались на разных этапах истории по-разному. Революции провоцируют строительный бум, регулирование сопровождается установленным новым порядком.

Инструментами формирования первого города были правила, предшественники нынешних правил землепользования и застройки. Эти правила складывались исторически, методом проб и ошибок, на основе предыдущего опыта и были главным реальным, тактическим по своей сути, средством регулирования, используемым «по месту», «здесь и сейчас». В торговом, корпоративном городе эти правила были итогом договоренности, согласия сторон, фиксировали баланс интересов, т. е. носили конвенциональный характер. В городе-резиденции правила устанавливались сверху и носили характер

директив. При этом исполнение правил в обоих случаях осуществлялось с разным успехом. Хранителем этих правил, их толкователем и имплементатором становится городской чиновник, администратор, избираемый советом или назначаемый сверху. Правила такого рода сосредоточены на деталях, частях, фрагментах и обычно не дают ни целостной всеобъемлющей картины города, ни долгосрочной перспективы.

Система правил прямо и непосредственно отвечала порядку формирования города через трудно предсказуемые, сложно прогнозируемые действия часто очень влиятельных и состоятельных застройщиков, целью которых были отдельные дома, видимые, зримые и законченные субстанции. Смысл правил сводился в первую очередь к исключению конфликтов между ближайшими соседями, жителями одной улицы или района и не был сосредоточен на такой опции, как единый порядок города в целом. Города оказываются собранными из отдельных сообществ и их территорий, связи между которыми и следование общему правилу не были нормой. В итоге, на взгляд пришельца, город выглядел запутанным лабиринтом кривых улиц, и только местный житель чувствовал и понимал его порядок, перцептивный, субъективный, порядок для своих, существующий внутри самого реципиента, четко знавшего самый короткий и безопасный путь.

Правила изначально опирались на язык слов и чисел и не имели ясно выраженного графического, видимого и зримого предьявления. Общая концепция города, смысл его пространственного устройства, который открывался самим горожанам, не проступал непосредственно сквозь физические очертания и требовал толкования.

В мифологизированном сознании его обитателей город представал воплощением и перевоплощением Небесного Иерусалима, вечного рая, идеального мира, в которых прошлое сливалось с будущим до состояния полной неразделенности. Идеализированные виды города становились декорациями библейского мифа; Иерусалим, как это следует из фресок и икон, приобретал узнаваемые черты реального окружения.

В противоположность воображаемой, субъективной, ментальной модели Первого города Второй город предложил модель, прямо и непосредственно соотносимую с реальностью и использующую язык генерального плана. Графический план без особых конфликтов сросся с правилами застройки, поскольку главной его заботой становились не субстанции, не дома и кварталы, а инфраструктура, улицы и дороги, что прежними правилами определялось явно недостаточно. Если правила в первую очередь были средством регулирования и борьбы с самостроем, то генплан становится инструментом развития. Регулярное градостроительство – продукт генплана, благодаря которому стало возможно четко и строго задокументировать будущее.

Изображение на листе бумаги плана города, которого еще нет, стало делом архитекторов-градостроителей, принесящих в новую профессию свои графические умения, визионерские способности, целостное сознание. Идеалом архитекторов и градостроителей Второго города становится город-ансамбль, а едва ли ни идеальным воплощением этой цели – Париж, переживший несколько волн реконструкций, последняя из которых, самая масштабная и знаменитая, связана с именем Османа. Стать еще одним Парижем или превзойти Париж – заветная мечта городов рубежа прошлого и позапрошлого веков, которая не могла осуществиться без участия архитектора, получившего уникальную возможность увидеть город, построенный по его проекту.

Третий город небывало сложен и противоречив. Чтобы попасть налево, необходимо сначала свернуть направо, а двигаясь по знакомым местам без навигатора, можно легко опоздать. Не столько идеалом, сколько предсказанием такого города стал Нью-Йорк. В соревновании за право влиять на облик Третьего города, решать его судьбу наряду с чиновниками, архитекторами и инженерами сегодня принимают участие люди других, новых и старых профессий – гражданские активисты, политики, лидеры мнений и т. д.

Тема города, его будущее волнуют многих, а поэтому сам по себе мультиотраслевой подход и принцип участия всех заинтересованных сторон ощущаются одновременно как нечто неизбежное и трудно реализуемое. Надежды на то, что расплзающийся и распадающийся на глазах огромный город удастся удержать под эффективным контролем, связаны с цифровыми технологиями, с тем, что и оцифрованные ПЗЗ, и генплан войдут в цифровой «двойник» города, способный стать открытой платформой обсуждений, средством мониторинга и обратной связи, инструментом выбора оптимальных стратегий и практических шагов.

Следы каждой из трех моделей, подобно годовым кольцам, без труда обнаруживаются в теле любого крупного города, прожившего больше трех столетий. Первый, Второй и Третий город могут входить друг в друга как матрешки, а могут существовать и продолжать жизнь порознь. Черты первой модели обнаруживаются в пространстве сегодняшнего малого города, вторая модель остается актуальной для города средних размеров, третья модель задает очертания безграничного и открытого города будущего.

Литература

1. Doxiades, K. A. *Between dystopia and utopia*. – Hartford, 1966. – 91 с.
2. Боклов, А. О стратегии пространственного развития. – Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 112–124
3. Гутнов, А. Э., Лежава, И. Г. *Будущее города*. – Москва : Стройиздат, 1977. – 128 с. : ил.
4. Джекобс, Д. *Смерть и жизнь больших американских городов*. – Москва : Новое издательство, 2011. – 460 с. : ил.

References

- Bokov, A. (2018). On the spatial development strategy. *Project Baikal*, 15(57), 112-124. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.57.1367>
- Doxiades, K. A. (1966). *Between dystopia and utopia*. Hartford.
- Gutnov, A. E., & Lezhava, I. G. (1977). *Budushchee goroda [Future of the city]*. Moscow: Stroizdat.
- Jacobs, J. (2011). *Smert i zhizn bolshikh amerikanskikh gorodov [The death and life of great American cities]*. Moscow: Novoe izdatelstvo.